

сле ссор постоянно вынуждены мириться между собой»³. Единственное, что служит объединяющим принципом такого негосударства — это принцип «антисуверена» (Манфред Дальманн), то есть «антирасы» евреев как врагов немецкого народа, подлежащих уничтожению во имя блага народной общности. Шайт также описывает связь Марксовой теории капитала, социальной основы критической теории, с психоанализом Фрейда, который, будучи развит в социально-психологическом плане Эрихом Фроммом и другими, помогает отличить па-

тологический и *политический* делирии, усматривая в последнем массовый феномен современного общества. Помимо прочего, изучение этих концепций может служить основой и для понимания структуры советского тоталитаризма — за пределами любой примитивно обобщающей теории тоталитаризма. Эскиз такого критического анализа советского государства, проливающего свет и на современность, дан Шайтом в главе «Бегемот. От тотального государства до всемирного суверена».

Дэви Думбадзе

ГРАЖДАНСТВО: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ИЛИ ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС?

Борис Капустин. Гражданство и гражданское общество.
М.: Высшая школа экономики, 2011. — 223 с.

Понимание гражданства и гражданского общества — одна из центральных проблем политической теории. Ее актуальность связана и с критическим потенциалом самих понятий, и с постоянно возобновляющимся политическим запросом на их переосмысление. В современной ситуации речь может идти как о необходимости объяснить динамику гражданской активности в Европе и США, так и о проблемах становления российской демократии. Почему шведы, традиционно столь восприимчивые к идеям социал-демократии, сегодня не видят разницы между неолиберальными и социалистическими программами?

3. Чтобы обозначить распад буржуазного государства (*Левиафан*), Гоббс прибег к метафоре библейского зверя *Бегемота* — одного из двух мифических существ, пожирающих друг друга.

Почему подавляющее большинство российских граждан чураются политики и спасаются от нее в стихии семейного быта?

Недавно я беседовала с молодым шведским врачом, доктором медицинских наук, признавшимся, что он больше не голосует за социал-демократов и вообще не понимает смысла таких слов, как солидарность. Однако в том же самом разговоре доктор не раз использовал понятие права применительно к своей собственной профессиональной и личной ситуации (у исследователя клиника и семья с двумя маленькими детьми). Когда я несколько бестактно напомнила моему собеседнику о том, что его права являются результатом длительного и полного конфликтов политического процесса, он искренне удивился и признался, что вряд ли задумывался над этим. Никак не ду-

мал мой знакомый и о том, что его восприятие своих прав служит прекрасной иллюстрацией некоторых особенностей современного гражданского сознания в Европе, а также объектом интереснейшего теоретического анализа российского философа Бориса Капустина.

В своей работе «Гражданство и гражданское общество» хорошо известный в России и на Западе исследователь предлагает критически переосмыслить понятие гражданства. От юридически-потребительского, статусного понимания (гражданство как совокупность гарантируемых государством прав) Капустин предлагает вернуться к более динамичному и, с его точки зрения, продуктивному пониманию гражданства как освободительной и потому политической практики. Особое внимание автор уделяет вопросу о связи гражданства и гражданского общества, которая, по его мнению, обусловлена взглядом на соотношение между частным лицом и гражданином.

В изданной Высшей школой экономики книге также опубликован перевод классического эссе Т. Х. Маршалла «Гражданство и социальный класс», в котором Капустин совершенно справедливо находит интереснейшее «напряжение» между, с одной стороны, маршалловским пониманием гражданства как совокупности прав, гарантируемых государством, а с другой — как сферой равенства, противостоящей неравенству классово-структуры капитализма. Именно в качестве сферы равенства гражданство обладает потенциалом по превращению частного лица в политического субъекта, в гражданина. Гражданин как обладатель прав вполне представим в качестве потребителя государственной политики, что разводит понятия гражданства

и гражданского общества. Понятие гражданина как обладающего правами лица не находится в необходимой связи с понятием гражданского общества как сферой социальной и политической активности.

Первая часть анализа Капустина озаглавлена «Гражданство как статус» и посвящена разбору взгляда Маршалла на гражданство как на обладание определенным набором прав. Согласно Маршаллу, именно такое гражданство (равноправие) противопоставит неравенству капитализма и постепенно уравновешивает его. Капустин критикует Маршалла и его современных последователей за то, что в конечном счете они разводят гражданство и гражданское общество. Неравенство в рамках последнего игнорируется, и гражданин понимается скорее как клиент государственной политики, нежели активный субъект освободительной практики. Забвение поставленного самим Маршаллом вопроса о соотношении капитализма и гражданства в современной политической теории есть, таким образом, логическое следствие статусного понимания гражданства.

Вторая часть исследования, «Гражданское общество и „цивильное“ гражданство», посвящена критике ряда концепций гражданского общества. Согласно тезису Капустина, в современной литературе преобладает токвилевское понимание гражданского общества как сферы отношений между гражданами, в отличие от общества политического, связанного с взаимодействием граждан с государственными органами. Капустин анализирует как традиционно либеральные, так и леволлиберальные трактовки. К последним относятся теории групповых прав, например, у Айрис М. Янг. Янг разрабатывает свою мо-

дель с целью компенсировать неспособность либеральной теории справедливости охватить политическую (конфликтную) сторону гражданства. По мнению Капустина, борьба за специфические групповые права меньшинств, как ее понимает Янг, непродуктивна, ибо все еще остается статусной, а не политической борьбой.

В третьей части под заглавием «Гражданское общество и „политическое“ гражданство» Капустин снова возвращается к соотношению частного лица и гражданина. Автор предлагает вспомнить гегелевское понимание этого отношения. Гражданское общество здесь есть практика, в рамках которой осуществляется выведение гражданина из буржуа. Гражданское общество первично по отношению к гражданству и не может быть оторвано от других сфер общественной жизни (что часто происходит в современной политической науке). Далее Капустин отвергает моральную интерпретацию гражданства в пользу материалистической интерпретации, то есть как социальной освободительной практики. Анализ завершается обещанным в начале книги возвращением автора к вопросу о соотношении гражданства и капитализма.

Именно этот вопрос является центральным для всей работы, и я вполне разделяю мысль автора о том, что серьезная теория гражданства не может обойтись без критического анализа капитализма. Тем, кто хочет понять, как и почему современный капитализм постоянно воспроизводит различные формы дефицита демократии, книга окажется, безусловно, полезной. Капустинский взгляд на диалекти-

ку отношения «капитализм — демократия» интересен как с теоретической, так и с прагматической точки зрения. Уверена, что даже те, кто не разделит предложенных в книге выводов, сможет оценить ее высокий научный уровень и оригинальность.

Работе Бориса Капустина, наряду с уже упомянутым маршалловским текстом, предпослана критическая реплика Владимира Малахова. К сожалению, понять логику издателя, поместившего малаховскую критику в начало, а текст Маршалла — в конец книги, мне так и не удалось. Мой совет читателю — читать «по порядку»: сначала Маршалла, затем Капустина, а уже потом Малахова. Что касается критических тезисов последнего, то они далеко небезынтересны. Главный критический аргумент Малахова состоит в том, что нормативный политико-философский подход Капустина не учитывает определяющей социологической перспективы гражданства. С моей точки зрения, именно политическая нормативность Капустина придает его анализу остроту и актуальность. О том, как гражданское общество институционализировано, социология может сказать немало, а вот на вопрос, где искать источник гражданской и политической энергии освобождения, она не дает ответа, ибо и не ставит его. Борис Капустин не только поднимает эту проблему, но и предлагает продуктивный подход к ее осмыслению. Хочется надеяться, что книга «Гражданство и гражданское общество» привлечет к себе достойное внимание читателей, интересующихся политическими проблемами современного мира.

Елена Намли